

96-9644

57-5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК

Аграрный институт

**“Аграрная экономика и политика:
история и современность”**

Москва
октябрь 1996 г.

97-636

ПРИВАТИЗАЦИЯ НА СЕЛЕ: ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Калиев Г. А.,

*академик Казахской, Российской и Украинской академий, президент
Казахская академия сельскохозяйственных наук*

В нашем государстве, как и в других странах СНГ, идет процесс создания рыночной экономики. Динамичное становление последней, как известно, зависит от формирования многоукладной экономики, базирующейся на разнообразии форм собственности и хозяйствования. Исходной основой формирования многоукладной экономики, несомненно, выступает приватизация государственной собственности. Особую роль здесь играет приватизация собственности в сельском хозяйстве, за счет продукции которой формируются две трети розничного товарооборота. Коренное улучшение деятельности именно этого центрального звена АПК, несомненно, снимает остроту продовольственной проблемы, социальной напряженности, обеспечит условия для более плавного органичного вхождения Казахстана в сферу рыночной экономики.

Приватизация государственных сельскохозяйственных предприятий в нашей республике началась в 1992 г. В первый год были приватизированы 472 совхоза, в 1993 г. – 130, в 1994 г. – 761 и в первом полугодии 1995 г. – 308 хозяйств. С начала приватизации всего был преобразован в негосударственные формы хозяйствования 1671 совхоз, что составляет 78,8% от всех хозяйств, имевшихся на 01.01.92 г.

В процессе приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий на их базе были организованы 5813 хозяйствующих субъектов. Из них 1082 стали коллективными предприятиями, 295 – акционерными обществами, 150 – хозяйственными товариществами, 487 – кооперативами, 2331 малыми предприятиями и 1543 – крестьянскими хозяйствами. В среднем на одно приватизированное предприятие приходится 3,5 единицы хозяйствующих субъектов, в том числе: 0,65 единицы коллективных предприятий, 0,18 – акционерных обществ, 0,09 – хозяйственных товариществ, 0,3 – кооперативов, 1,4 – малых предприятий и 0,9 единицы крестьянских хозяйств (табл. 1).

Таблица 1

Преобразование государственных сельскохозяйственных предприятий Республики Казахстан

Годы	Всего приватизировано госсельхоз-предприятий	На базе приватизированных госсельхозпредприятий создано хозяйствующих субъектов						
		Всего	в том числе:					
			коллективные предприятия	акционерные общества	хозяйственные товарищества	кооперативы	малые предприятия	крестьянск. хозяйства
1992	972	1938	794	–	–	99	358	762
1993	130	159	64	30	7	15	12	31
1994	761	3207	53	220	52	344	1950	588
1995*	308	509	171	45	91	29	11	162
Всего	1671	5813	1082	295	150	487	2331	1543

* I полугодие.

Как видно из таблицы, на базе приватизированных совхозов организованы главным образом хозяйствующие субъекты, основанные на коллективной форме собственности и хозяйствования. При такой приватизации значительных изменений организационно-экономической структуры этих хозяйств не произошло. Большинство созданных коллективных предприятий были созданы путем простого применения организационно-правового статуса приватизируемых хозяйств. Очень мало создано новых, более прогрессивных форм организации производства, таких как кооперативы и малые предприятия. Самое тревожное состоит в том, что в процессе приватизации почти не создаются условия и возможности выхода отдельных его работников из состава хозяйства с целью организации крестьянских хозяйств. В среднем таких хозяйств по республике составляет всего до 1,5 единицы на одно приватизированное предприятие.

“Такие масштабные преобразования, – справедливо отметил Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев на декабрьском совещании по актуальным проблемам развития аграрного сектора страны, – должны были бы привести к существенным позитивным сдвигам. К сожалению, этого не произошло”.

Из года в год продолжает нарастать спад производства сельскохозяйственной продукции. Если в первые четыре года нынешнего десятилетия он составлял в среднем немногим более шести процентов, то в нынешнем году – достиг 23. Сельское хозяйство страны доведено до самого низкого уровня, а сельское население – до бедственного состояния.

Очередной раз основные тяготы перехода к новой общественно-экономической системе переложены на плечи аграрного сектора и крестьянина. “Мы понимаем, что на сельское хозяйство, – признал Президент страны, – которое по своей природе не является высокодоходной отраслью, легли основные трудности, связанные с переходом на новую модель экономического развития. Неудивительно, что именно село испытало наиболее серьезные потрясения, сказавшиеся и на состоянии производства, и на социальной сфере, и на уровне жизни людей”. Нельзя не согласиться с горьким признанием сопредседателя ЦК социалистической партии республики П. Свонка. Характеризуя современное состояние общества, он пишет: “В наиболее трагическом положении находится село, а ведь оно не только кормит государство, там находят корни истории, духовности и патриотизма нашей земли”¹.

В настоящее время идет к завершению процесс приватизации на селе. Правительством республики одновременно поставлена задача ее дальнейшего углубления. Для этого в первую очередь следует серьезно обдумать происходящие процессы в аграрном секторе страны, выявить допущенные ошибки, определить основные недостатки казахстанской теории и практики приватизации на селе.

Существенным недостатком приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий является повсеместное игнорирование принципа свободы выбора форм собственности и хозяйствования самими крестьянами, то есть работниками совхозов. Речь идет о свободе выбора форм собственности и хозяйства каждым отдельным членом трудового коллектива приватизируемого предприятия. Игнорирование данного принципа наглядно видно из процесса массового преобразования большинства приватизированных совхозов республики в коллективные предприятия. В большинстве созданных таких хозяйств в моменты преобразования не была произведена персонификация имущества, без которой невозможно говорить о свободе выбора форм собственности и хозяйствования членами трудовых коллективов приватизируемых предприятий. В таких условиях подавляющее большинство приватизированных сельскохозяйственных предприятий были преобразованы в коллективные предприятия. В последних бывшая государственная собственность перешла в коллективную собственность их трудовых коллективов. По существу в них произошла лишь смена форм собственности. Такая смена форм собственности и ее персонификация между тем является только исходным пунктом и началом коренных преобразований отношений собственности. Следовательно, установление права собственности на паевую долю является началом реальной приватизации государственной собственности в совхозах. В результате непосредственные работники не стали подлинными собственниками, настоящими хозяевами. Речь не идет о том, чтобы каждому пайщику обязательно выдать в натуре реальные средства производства, как скот, трактор, машина и др. В подавляющем большинстве коллективных предприятий, как было выше отмечено, даже не были определены пай работников. Им не было объяснено, что каждый пайщик имеет право самостоятельно распоряжаться своей долей. То есть либо, взяв свой пай, он может организовать собственное крестьянское хозяйство, либо добровольно объединиться для создания, например, хозяйственного товарищества или кооператива, таким образом, непосредственные товаропроизводители остаются посторонними наблюдателями. Отношение членов коллектива к собственности находится на том же уровне, что и при государственной собственности. Такую приватизацию нельзя не назвать формальной.

Следующим недостатком казахстанской политики приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий является то, что она рассматривалась как панацея от всех болезней, как средство решения всех накопившихся проблем аграрного сектора в условиях совхозно-колхозного строя. Думали, приватизируем совхоз, разделим землю и имущество, передадим их работникам, то есть членам трудовых коллективов преобразуемых хозяйств, в результате чего сформируется настоящий собственник.

Между тем, как показала практика, распределение имущества и земли и передача их в руки работников автоматически не создают настоящих хозяев, реальных собственников. Получить право собственности и стать

¹ Казахстанская правда, 20 дек. 1995 г.

настоящим собственником не одно и то же. Формирование и становление реального и настоящего собственника скорее всего будет задачей всего переходного периода к рыночной экономике. Поэтому создание условий для решения этой исторической задачи должно быть одной из важнейших функций государства, которое осуществляет такой переход. Опыт приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий в разных посттоталитарных странах показывает, что их реформирование может быть либо поэтапным, либо одномоментным. Под поэтапной приватизацией понимается постепенное (в течение нескольких лет) реформирование собственности сельскохозяйственных предприятий. Под одномоментной приватизацией понимается реформирование собственности сельскохозяйственных предприятий в течение установленного срока (например, 6 месяцев, 12 месяцев или 1,5 года). В большинстве посттоталитарных странах Восточной Европы, Балтии, а также в Российской Федерации и некоторых других странах СНГ при приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий использовали второй подход, то есть одномоментную приватизацию. В нашей республике за основу приватизации взят первый подход, то есть постепенное реформирование собственности государственных сельскохозяйственных предприятий. Данный подход имеет свои положительные стороны, которые сводятся к следующему: обеспечение относительно эволюционного характера преобразования собственности, позволяющего более плавно, гибко переходить к рыночным отношениям; не допускает резких изменений в производстве сельскохозяйственной продукции и обеспечении снабжения населения продуктами питания, а промышленности – сырьем; возможность корректировки проводимых экономических реформ, в частности, в политике приватизации и т. д. Наряду с указанными положительными чертами, данный подход имеет и существенные недостатки. Во-первых, затягивание сроков приватизации, несомненно, способствует формированию положения неопределенности и неуверенности у работников сельского хозяйства в своем будущем. Во-вторых, затягивание сроков приватизации, безусловно, создает в совхозах обстановку, когда бессмысленно вкладывать средства в развитие производства, поскольку в процессе приватизации придется их выкупать еще раз, уже один раз купленные. К тому же ныне в большинстве сельхозпредприятий республики в лучшем случае обеспечивается простое воспроизводство. В-третьих, поэтапное проведение приватизации, несомненно, на руку руководителям государственных сельскохозяйственных предприятий, значительное число которых путем “приватизации” решают собственную проблему “первоначального накопления капитала”. В-четвертых, постепенная приватизация служит источником усиления инфляционных процессов в экономике страны, поскольку сохранение государственных сельскохозяйственных предприятий требует выделения так называемых “льготных кредитов”, превращаемых в разновидность бюджетного финансирования. В-пятых, затягивание сроков приватизации ведет к дальнейшему ухудшению отношения людей к труду, падению дисциплины и т. д. В-шестых, затягивание сроков приватизации совхозов искусственно продлевает процесс перехода аграрного сектора к рыночным отношениям, тем самым обеспечивает мучительно долгое их становление.

В-седьмых, проведение поэтапной приватизации могло быть успешным в условиях эволюционного перехода от экономической системы, основанной на административно-командных методах управления к экономической системе, базирующейся на рыночных методах хозяйствования. Однако во всех постсоциалистических странах был реализован не эволюционный, не постепенный, а одномоментный переход к рыночным отношениям. Одномоментный переход начался с либерализации цен, хозяйственных связей и т. д. и получил название “шоковой терапии”. Этот переход совпал по времени с развалом Союза, ликвидацией союзных государственных органов управления (Госплана, Госснаба и др.), разрывом хозяйственных связей. В этих условиях почти рыночные, правда, во многом “дикие”, отношения стали создаваться во всех сферах и отраслях экономики. Сельское хозяйство не могло быть исключением. К тому же были почти ликвидированы три кита, на которых базируется функционирование любого государственного предприятия (бюджетное финансирование, “карточное” снабжение и плановое задание). В этих условиях не было особого смысла держать сельскохозяйственные предприятия в государственной собственности.

К сожалению, в сельском хозяйстве нашей республики не была реализована политика одномоментной приватизации. Итогом проведенной политики на селе стала, в частности, такая ситуация, когда в приватизированных в 1991–1995 гг. совхозах по существу нечего было приватизировать. Это следующий недостаток, точнее ошибка, проведенной приватизации в аграрном секторе страны.

Одним из существенных недостатков казахстанской политики приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий является отсутствие комплексности в проведении экономической реформы. Последняя предполагает не только приватизацию, но и либерализацию всего хозяйственного механизма (ценообразования, финансирования, кредитования). В результате даже приватизированным предприятиям доводили госзаказ, устанавливали фиксированные закупочные цены и т. д. Так, например, только в 1995 г. отменено доведение до всех форм собственности госзаказа на поставку зерна для государственных нужд, при этом постепенно снижались объемы госзаказов на сельскохозяйственную продукцию.

Отсутствие комплексности в проведении экономической реформы в различных отраслях экономики видно также из сроков либерализации цен. Если на промышленную продукцию в основном цены были отпущены в начале января 1992 г., то на большинство видов сельскохозяйственной продукции государство устанавливало фиксированные цены, и только позднее постепенно проводилась их либерализация. Задержку перехода к свободному ценообразованию на сельскохозяйственную продукцию прежнее правительство объясняло возможно-

стью социальных потрясений, поскольку в данном случае могли резко подскочить розничные цены, товарооборот которых на $\frac{3}{4}$ формируется за счет сельскохозяйственной продукции. Таким образом, долго не отпуская цены на сельскохозяйственную продукцию, государство способствовало ограблению села, обнищанию сельских тружеников и жителей. В итоге относительное благополучие отдельных граждан (жителей городов, промышленных предприятий и т. д.) было достигнуто за счет абсолютного обнищания села. Между тем, как показывает практика отдельных постсоциалистических стран (ЧСФР, Эстонии и др.), в них в первую очередь либерализовали цены на сельскохозяйственную продукцию.

В результате такой политики резко ухудшилась эквивалентность обмена между сельским хозяйством и промышленностью, нарушен относительный паритет цен, сложившийся на начало реформы. За реформенные годы (1992–1994) цены на промышленные средства производства и услуги для аграрного сектора возросли в 9570 раз, а на продукцию сельского хозяйства – лишь в 1518 раз. Только в 1994 г. в этих отраслях экономики наметилась тенденция незначительного сглаживания “ножниц цен”. Если в 1992 г. цены на промышленные средства производства и услуги росли в 1,7 раза быстрее, чем на реализованную сельскохозяйственными предприятиями продукцию, в 1993 г. – в 2,4 раза, то в 1994 г. это опережение выросло всего в 1,5 раза.

Основным фактором ценообразования продукции для села в 1992–1994 гг. были цены на энергоресурсы, которые, несмотря на сохранявшееся длительное время государственное регулирование, за это время возросли в 26040 раз. Это в 11 раз больше, чем изменение цен на комбикорма, в 3–5 раз – на сельхозтехнику и минеральные удобрения. После снятия последних ценовых ограничений в 1994 г. тарифы на электрическую энергию, потребляемую сельскохозяйственными товаропроизводителями, повысились в 4,5 раза, газ подорожал в 58 раз, горючее и смазочные материалы – в 25 раз, уголь – в 18 раз.

Для рынка сельскохозяйственных машин и тракторов также характерен постоянный рост цен, что обусловлено сохраняющейся монополизацией в их производстве и полным порывом хозяйственных связей. В 1994 г. производители сельскохозяйственных машин для растениеводства и животноводства подняли цены на продукцию в 25 раз (в 1993 г. – в 12 раз). Посевные и посадочные машины подорожали при этом в 36 раз (в 14 раз), зерновые комбайны – в 27 раз (в 13 раз), хлебоуборочные – в 21 раз (в 14 раз). Цены на тракторы и автомобили повысились за этот период в 22 раза (в 14 раз), на шины к ним – в 27 раз (в 8 раз). В 1992 г. (в оценке по среднесложившимся республиканским ценам) для приобретения тонны горючего аграрникам необходимо было реализовать 1,25 т зерна, в 1994 г. – уже 5,5, а мяса в живом весе – 0,4 и 1,3 т. Для покупки зерноуборочного комбайна в 1992 г. понадобилось реализовать 83 т зерна, в 1994 г. – 191 т, мяса – 294 и 46 т соответственно.

Соотношение роста цен на материально-технические ресурсы и потребляемую селом продукцию в 1993 г. по сравнению с 1991 г. в России составило 1:3,34, а в Казахстане 1:0,09. Иными словами цены на промышленную продукцию росли в России в 3, а в Казахстане в 11 раз быстрее, чем на продукцию сельского хозяйства (табл. 2).

Таблица 2

Индексы цен на продукцию сельского хозяйства и материально-технические ресурсы и услуги

В 1993 г. по отношению к 1991 г. (число раз)	Сельскохозяйственную продукцию	Материально-технические ресурсы и услуги	Соотношение индексов цен
Российская Федерация	112,0	33,5	3,34
Республика Казахстан	68,7	754,3	0,09

Совокупный уровень рентабельности в России снизился с 68% в 1992 г. до 32% в 1993 г., а в Казахстане – с 76 до 3,1%. Доля убыточных хозяйств в России возросла за это время с 5 до 11%, в Казахстане – до 40%. Последние уже находились в жестких объятиях “дикого” рынка. Уже не было фондового распределения средств производства.

В результате некомплексного проведения экономической реформы сельское хозяйство оказалось в окружении “дикого” рынка. Уже были либерализованы оптовые цены на промышленную продукцию, используемую в сельском хозяйстве. Но закупочные цены еще были фиксированные. Было отменено фондируемое распределение средств, монопольных образований, которые по-прежнему, может даже еще больше, диктовали свои условия. К тому же большинство необходимых средств производства для села производилось уже за границей. Они также, являясь монопольными структурами, диктовали свои условия сельским товаропроизводителям. Особенно наглядно такой диктат наблюдался перед посевной и уборочной кампаниями. В то же время сельскохозяйственным товаропроизводителям еще долго доводились государственные заказы на важнейшие сельскохозяйственные продукты. Еще сохранились государственные (в дальнейшем – полугосударственные) заготовительные организации, которые заставляли сельскохозяйственных товаропроизводителей по-прежнему сдавать продукцию только им. Другими каналами последние не имели возможности пользоваться. Заготовительные организации также были монопольными структурами, типа ГАК “Астык” и др. Уже не было бюджетного финансирования, но большинство сельскохозяйственных предприятий оставалось еще государственными.

ми, хотя их деятельность была полностью коммерциализирована. Одновременно появились кредиты акционерных и коммерческих банков с огромными процентами, одинаковыми как для сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и для коммерческих структур. Хотя в названных сферах неодинаковая оборачиваемость капитала, что поставило сельскохозяйственных товаропроизводителей на колени. В таких условиях сельскохозяйственные предприятия стали как “остров”, где отсутствовал рынок. Вокруг этого “острова” – “море” рынка не простого, а во многом еще “дикого”.

Весьма отрицательную роль в деятельности как приватизированных, так и неприватизированных сельскохозяйственных предприятий играют постоянные задержки оплаты поставляемой в счет госзаказа сельскохозяйственной продукции. В условиях бешеных темпов инфляции, особенно в 1992–1994 гг., сельскохозяйственные предприятия оказывались в положении банкрота. Ведь задержка оплаты хотя бы на полгода (обычно оплата за продукцию в эти годы затягивалась до нового урожая) резко обесценивала полученные средства.

Отсутствие денег у предприятий не позволяло им своевременно выдавать зарплату своим работникам. Последние месяцами, даже годами (до 2 и 3 лет) не получали зарплату. В результате такой политики единственным платежным средством как сельскохозяйственных предприятий, так и их работников являлись скот, зерно и другие, имеющиеся у них, сельскохозяйственные продукты. В этих условиях сельскохозяйственные предприятия пошли на массовый бартер, сдавая скот, зерно и другие сельскохозяйственные продукты в счет оплаты ГСМ, запчастей и т. д., без которых они не смогли бы работать. Бартерные операции производились под диктовку поставщиков, что также поставило на колени сельскохозяйственные предприятия.

Определенные финансовые субсидии со стороны государства в виде целевых кредитов частично компенсировали низкие закупочные цены и постоянные задержки оплаты за отданную продукцию по госзаказу. Между тем именно государственная политика в области ценообразования, субсидирования, кредитования, жесткий контроль за поставками продукции, особенно в другие страны, республики, области и др., явились тяжким бременем для сельскохозяйственных предприятий. В результате последние стали работать в убыток себе, имея уже отрицательную (минусовую) рентабельность. Так, в 1994 г. из 2524 сельхозпредприятий 1595 имели убыток. Это составляет 63,19% всех предприятий. Причиной подобного положения некоторые считают проводимые экономические реформы, в частности реформирование совхозов. Конечно, в приватизированных совхозах, то есть коллективных предприятиях, малых предприятиях, кооперативах, акционерных обществах, хозяйственных товариществах, крестьянских хозяйствах, где нет прежнего жесткого контроля государства, новые владельцы более свободно распоряжаются своими средствами производства, в частности скотом. В ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве республики, – что им еще делать? Надо хлеб купить, мыло, соль, сахар, чай, одежду и обувь, чтобы удовлетворить элементарные каждодневные потребности. В условиях хронического отсутствия денег как сельскохозяйственные предприятия, так и сельские жители стали использовать скот в качестве основного (а для населения – единственного) платежного средства. Все это явилось прямым следствием недостаточно продуманной, некомплексно проведенной экономической реформы, основные тяготы которой легли на плечи сельского жителя республики.

Не спасает такое положение и запоздалая организация Государственного фонда финансовой поддержки сельского хозяйства, образованного только в конце 1994 г. До сих пор не создан специальный Фонд поддержки предпринимательства в сельском хозяйстве, источником создания и пополнения которого могли быть госбюджетные средства, поступления от продажи госсобственности, финансовая помощь международных организаций как Всемирного банка, Международного валютного фонда и др.

Существенной ошибкой, допущенной в процессе приватизации на селе, является переложение государством основного бремени перехода к рыночной экономике в целом и к частной собственности в частности на плечи самих сельскохозяйственных товаропроизводителей и сельских жителей. Такое положение не имеет ни политической, ни экономической, ни социальной и ни моральной основы. Политически государство должно само взять на себя основное бремя перехода к рынку, поскольку оно само выступило инициатором такого перехода. Оно разрабатывало программу перехода к рынку, готовило и приняло законодательные и нормативные основы приватизации и, самое главное, осуществляло этот переход. Экономически бремя перехода должно лежать на плечах государства, поскольку оно освобождается в случае приватизации от бремени содержания государственной собственности в аграрном секторе республики. К тому же поскольку приватизация осуществляется на основе платности, то государство вырученные средства от реализации объектов государственной собственности может направить на поддержку становления частного сектора в этой жизненно важной отрасли страны. В социальном плане также государство не может не брать на себя основное бремя перехода к рынку, поскольку в сельской местности проживает около половины жителей республики. В моральном отношении сельское население не виновато в том, что аграрный сектор базировался на совхозно-колхозном строе, созданном именно благодаря господствовавшей ранее аграрной политике государства.

Существенным недостатком приватизации на селе является недостаточный учет при ее проведении специфических особенностей сельскохозяйственного производства. Речь идет прежде всего о достаточно сильной зависимости отрасли от природно-климатических условий, наличии сезонности производства, малотранспортных и скоропортящихся продуктов сельского хозяйства и др., которые вызывают уязвимость сельского хозяйства как отрасли экономики. К тому же сельское хозяйство в отличие от других отраслей по своей природе

является малопродуктивным. Связано такое положение с низким органическим строением капитала и вытекающей отсюда низкой нормой прибыли. Эти положения объективно предполагают оказания действенной государственной поддержки отрасли. В настоящее время государство начало оказывать определенную помощь селу, о которой говорил на декабрьском совещании (1995) Президент Н. Назарбаев. Но такая политика является как запоздалой, так и явно недостаточной.

Самым главным недостатком проведенной приватизации в сельском хозяйстве республики является, на мой взгляд, сугубо однобокое, отсюда глубоко ошибочное рассмотрение села только как места для производства сельскохозяйственной продукции. Между тем село, отсюда сельскохозяйственное предприятие, представляет комплексную, многофункциональную систему. Данная система обеспечивает производство и воспроизводство не только сельскохозяйственной продукции, но и воспроизводство человека, в том числе воспроизводства рабочей силы, воспроизводство других производительных сил, общественных отношений, в том числе уклада и образа жизни и т. д. Так, в частности, для основной части казахского народа село является не только местом производства продукции растениеводства и животноводства. Оно для него прежде всего представляет собой образ жизни, уклад жизни. В процессе приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий, к сожалению, последние не были рассмотрены аналогичным образом. Сельскохозяйственным товаропроизводителям было сказано, что их экономическая, социальная и другие аспекты жизнедеятельности зависят теперь, то есть после приватизации, только от них самих. На государство они теперь не могут рассчитывать, поскольку в условиях рынка каждый из них сам о себе должен думать и, соответственно, содержать себя. "Плодом" реализации именно такой ультраправой идеологии, в частности, стали массовые переселения жителей аулов и сел из своих родных краев и мест в поисках куска хлеба и работы в города, промышленные центры, пригородные районы и хозяйства. Государство как будто не замечает этого, хотя его прямая обязанность найти для них и хлеб, и работу. Именно оно должно организовать переселение их в другие места, если нет других выходов. Но лучше всего оно обязано создать условия для их задержания на местах их жительства. По крайней мере, такая помощь оказалась бы для него менее обременительной.

Другим "плодом" реализации такой идеологии стали регулярные отключения электричества в сельских населенных пунктах. Такие отключения стали во многих местах постоянными, а их включения – редкостью, например, перед Новым годом или выборами и т. д. Обосновывается это тем, что электроэнергия тоже является товаром, как и сельскохозяйственная продукция. Но настоящий рынок прежде всего подразумевает эквивалентность в обмене. О какой эквивалентности обмена может быть речь, если за 1992–1994 гг. цены на электроэнергию возросли в 29 592 раза, а на сельскохозяйственную продукцию – только в 1518 раз. То есть темпы роста цен на первое опережали темпы роста цен на второе и были больше в 16,9 раза. Как в этих условиях сельские товаропроизводители могут оплатить услуги за электроэнергию? Между тем создание условий для обеспечения паритета цен является одной из важнейших функций государства.

Значение выполнения данной функции государством особенно актуально в переходный период, когда еще нет настоящего рынка, а господствует беспредел и дикая его форма, существующая ныне в нашей республике. Недавняя гибель многих граждан на севере республики в результате резких изменений погодных условий, скорее всего, является следствием именно отключения электроэнергии, поскольку своевременные прогнозы синоптиков не были доведены из-за отсутствия радиотелефонной и телевизионной связи в результате отключения электроэнергии. И вообще, как можно представить современного жителя суверенного Казахстана без телефона, телевизора и радиоприемника? Как государство может информировать своих граждан в таких экстренных случаях? Как государство может вести свою идеологическую работу в таких условиях?

Весьма отрицательную роль в процессе приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий сыграло отсутствие действенного контроля за ходом реформирования со стороны прежде всего республиканских органов управления. Даже главный орган приватизации, то есть Госкомимущество, особенно на первом этапе, слабо следил за ходом приватизации, его руководящая роль сводилась к разработке нормативных актов и сбор информации с мест. Зачастую не выполнялись даже и эти функции. Отсутствие действенного контроля привело к массовым нарушениям законодательных и нормативных актов, "прихватизации" имущества со стороны руководителей приватизируемых предприятий и т. д.

Одним из существенных недостатков приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий является весьма слабая, мягко говоря, роль государства в постприватизационном развитии новых организационно-правовых форм предприятий, созданных на их базе. Между тем вопросы постприватизационного развития новых сельскохозяйственных предприятий должны быть одной из важных функций государства в переходный период к рыночной экономике. Политика государства в постприватизационном развитии новых сельскохозяйственных предприятий (крестьянские хозяйства, хозяйственные товарищества, сельскохозяйственные кооперативы и т. д.) предполагает разработку государственной программы постприватизационного их развития. Такая программа, к сожалению, до сих пор отсутствует в республике. В основе такой близорукой политики государства лежит принцип: "В условиях рынка каждый должен сам себя содержать". Использование данного принципа в аграрной политике государства считаю в целом неверным. Прежде всего, в нашей республике до сих пор отсутствует цивилизованный рынок, она находится в условиях переходного этапа к рынку. Вновь образованные формирования еще не встали на ноги, не

успели сформироваться реальные собственники. В этих условиях ориентация на вышеназванный принцип приведет только к окончательному развалу сельского хозяйства страны. И главное, как показывает опыт функционирования сельского хозяйства, даже в самых развитых капиталистических странах сельское хозяйство является особой сферой, находящейся под особым контролем и защитой государства. Небезынтересно заметить, что, например, сельское хозяйство США является единственной отраслью, которая регулируется федеральным министерством, заботящимся о специальных нуждах этой отрасли отдельно от общей экономической политики государства. Так сложилось потому, что производство и распределение пищевых продуктов в американской экономике имеют наиболее важное и фундаментальное значение. В основе правительственного регулирования сельского хозяйства лежит необходимость национальной безопасности и общественного здоровья путем обеспечения продуктами питания.

Сельское хозяйство после завершения приватизации окончательно вступит в реальные, жесткие и естественные условия рыночной экономики. В этих условиях следует скорее устранить допущенные ошибки и их последствия. От этого прежде всего будет зависеть не только судьба аграрного сектора страны, но и значительной части граждан суверенной Республики Казахстан.